

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-13-28

Епихина Ю. Б.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
И ПЕРВОЕ МЕСТО РАБОТЫ

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
boddhi@yandex.ru

Аннотация. В отечественной социологии большое внимание уделяется проблематике трудоустройству молодежи. Как критический оценивается переход от получения образования к выходу на рынок труда и начало трудовой деятельности. При этом особенно акцентируется такой аспект, как соответствие квалификационных параметров рабочего места полученному образованию. Такой аспект представляется важным в свете консистентности двух социальных институтов – образования и рынка труда. Вместе с тем при изучении проблем трудоустройства молодежи зачастую упускаются такие структурные факторы, как параметры образовательной мобильности и позиция первого рабочего места в социально-профессиональной структуре общества. В статье анализируется взаимосвязь указанных факторов: каким образом взаимосвязаны образовательная мобильность, понимаемая как изменение образовательного статуса в сравнении с родительским, и социально-профессиональный статус первого рабочего места. Выдвигается гипотеза о том, что восходящая образовательная мобильность связана с высокими статусными позициями в профессиональной структуре. Анализ проводится на данных исследования «Социальные различия современного российского общества», полученных на основе репрезентативной общероссийской выборки объемом 5335 респондентов, в разрезе 4 поколений. Статья состоит из трех частей: в начале дается обзор исследований образовательной мобильности и проблематики трудоустройства молодежи преимущественно в отечественной социологии, затем излагаются результаты анализа; третья часть посвящена выводам.

Ключевые слова: социальная мобильность; образовательная мобильность; профессиональная мобильность; трудовая мобильность; рынок труда; первое рабочее место; трудоустройство; когортный анализ.

Благодарность. Статья написана в рамках работы по проекту «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», грант РНФ № 14-28-00217.

Yulia B. Epikhina

EDUCATIONAL MOBILITY
AND THE FIRST JOB

State Academic University for the Humanities,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
boddhi@yandex.ru

Abstract. The Russian sociology provides extensive coverage of youth employment problems. The transition from an educational institution to the labor market and the start of the work career is

regarded as critically important. The correspondence between workplace skills and education is emphasized as have special relevance to mobility issues. This is viewed as important in view of the correspondence of two basic social institutions – education and labor market. However, in the studies dedicated to youth employment there are lacunae related to structural changes such as parameters of social mobility in relation to the first job position in the socio-professional structure. The article analyzes the interrelation of the given factors. It deals with a linkage between educational mobility viewed as a change of educational status in comparison with parental level and the occupational status of the first job. It is hypothesized that upward educational mobility is related to high parental status positions in the occupational status. The analysis uses the data obtained in the study «Social distinctions in modern Russia» based on a representative sample of 5335 respondents. The sample is divided into 4 generations. The article consists of three parts. The first one provides a summary of the studies of social mobility and youth employment in Russian sociology. Then it concentrates on the analysis of available data. In the third part it contains speculation and conclusions.

Keywords: social mobility; education mobility; occupational mobility; workplace mobility; labor market; first job; employment; cohort analysis.

Acknowledgements. The article is based on the data generated in the project «Transgenerational social mobility from XX to XXI century: Four generations in Russian history», grant of RSF No. 14-28-00217.

Введение (Introduction). В название статьи вынесены два понятия, ключевых для структурных исследований. Образовательная мобильность, понимаемая как изменение образовательного статуса, по популярности уступает исследованиям неравенства как социально обусловленных различий в доступе к разным видам образования и образовательным ресурсам. Иначе говоря, в современных исследованиях социальной структуры больше внимания уделяется не столько изменениям образовательного статуса, сколько наследуемой совокупности неравенств в сфере образования. Даже в тех работах, где заявлен анализ образовательной мобильности, исследовательский фокус сосредоточен на оценке шансов на получение образования в зависимости от уровня образования родителей (Roshchina Y, 2012).

В российской социологии очень популярна тема трудоустройства молодежи, но при этом, за редким исключением, не рассматриваются параметры первого рабочего места. Трудоустройство молодежи изучается как один из аспектов перехода от получения образования к профессиональной деятельности.

В предлагаемой статье делается попытка проанализировать структурные характеристики первого рабочего места в зависимости от параметров образовательной мобильности. Статья состоит из трех частей: в начале дается

обзор исследований образовательной мобильности и проблематики трудоустройства молодежи преимущественно в отечественной социологии, затем излагаются результаты анализа, проведенного на данных исследования «Социальные различия в современном российском обществе»; третья часть посвящена выводам.

Методология и методы (Methodology and methods). *Исследования образовательной мобильности.* Под образовательной мобильностью понимается любое изменение образовательного статуса либо социальным субъектом, либо социальной группой. В том случае, если изменение образовательного статуса наблюдается относительно предшествующего поколения (условного «поколения родителей») речь идет о межпоколенной образовательной мобильности. Изменение образовательного статуса относительно разных временных точек (периодов) одного и того же поколения принято называть внутривоколенной образовательной мобильностью.

Как сказано выше, исследования собственно образовательной мобильности в отечественной социологии немногочисленны. Как правило, они проводятся на локальных выборках, либо образовательная мобильность анализируется в рамках более обширного сюжета – социальной мобильности.

Примером первой группы может служить исследование Ч. И. Ильдархановой (Ильдарханова, 2013), в котором изучаются образовательные достижения членов сельских семей, проживающих в республике Татарстан, на протяжении трех поколений: старшего поколения, или «прародителей» (условно «бабушки и дедушки» 1942-1951 гг. рождения), «родителей» (1968-1977 гг. рождения) и «старшекласников» (1997 г.р.). Объем выборки составил 900 респондентов. Вывод о восходящей образовательной мобильности делается на основе изменения доли лиц в конкретной поколенческой группе, получивших образовательный статус. Так, например, от поколения «прародителей» к поколению «старшекласников» доля лиц, получивших только начальное образование, уменьшилась на 55 п.п. (Ильдарханова, 2013: 79). В каждом из поколений увеличивалась доля сельских жителей, получивших среднее специальное образование: в поколении «прародителей» таковых было 8,6%, в поколении «родителей» – 36,0%, в поколении «старшекласников» – 59,3%. В данном исследовании под образовательной мобильностью понимается межпоколенное изменение образовательного статуса локальной общности, рассматриваемой как единое целое.

В. М. Барсегян провел сравнительный анализ показателей образовательной мобильности на данных двух исследований: во-первых, собственного исследования политических активистов, опрошенных в ходе работы лагеря «Селигер-2013», и исследования ИС РАН, осуществленного на основе общероссийской выборки объемом в 1600 респондентов (Барсегян, 2014). В данном исследовании образовательная мобильность понимается как изменение образовательного статуса социального субъекта относительно родительского. Согласно результатам анализа, в целевой выборке политических активистов наблюдаются более высокие значения образовательной мобильности, чем в общероссийской молодежной группе (коэффициент чистой мобильности составил соответственно 8,45 и 2,65) (Барсегян, 2014: 172).

Моделирование факторов, приводящих к межпоколенной образовательной мобильности, привело к различиям в получаемых результатах. В группе политических активистов, в число факторов, значимых для межпоколенной образовательной мобильности вошли такие показатели как уровень образования матери (чем ниже уровень образования матери, тем выше вероятность того, что уровень образования респондента будет выше, чем родительский) и тип населенного пункта. Согласно данным упомянутого исследования, в группе молодых россиян вероятность межпоколенной образовательной мобильности также зависит от уровня образования матери. При этом в числе значимых переменных оказался пол респондента, а незначимых – тип населенного пункта, но значим пол респондента (Барсегян, 2014: 173).

Л. А. Беляева (Беляева, 2011) рассматривает особенности образовательной мобильности в России в числе факторов, определяющих воспроизводство культурного капитала. Анализировались данные Европейского социального исследования (ESS) по России за 2008 г. Л. А. Беляева делает следующие выводы относительно тенденций межпоколенной образовательной мобильности. Во-первых, наиболее высокие показатели восходящей межпоколенной мобильности наблюдаются в группах родителей, имеющих низкий образовательный статус (соответствует незаконченному среднему образованию либо отсутствию образования): «Если в поколении родителей более 40% имели незаконченное среднее образование или совсем не учились, то в поколении детей такой уровень образования только у 16%» (Беляева, 2011: 10). Во-вторых, в России наиболее высокий уровень воспроизводства наблюдается на уровне среднеспециального образования: «По данным ESS-2008 наиболее часто наследуемое образование в нашей стране – среднее специальное, а это значит, что *слой людей средней квалификации в России практически воспроизводится*» (Беляева, 2011: 11).

Следует отметить, что вывод, сделанный Л. А. Беляевой относительно воспроизводства среднеспециального образования, согласуется

с приводимыми В. М. Барсегяном таблицами образовательной мобильности, рассчитанными по данным общероссийского опроса для молодежной подвыборки. Согласно таблицам образовательной мобильности, на долю воспроизводства в группе респондентов со среднеспециальным образованием приходится 45,7%, в группе с высшим образованием – 33,1%.

Вторая группа публикаций рассматривает образовательную как часть социальной мобильности. В этих публикациях делаются ссылки на следующие исследования. В исследовании М.Н. Реутовой показатели социальной мобильности (профессиональной и образовательной) анализируются на данных квотной выборки объемом в 350 респондентов. Объем выборки наложил определенные ограничения и не позволил автору провести когортный анализ. Межпоколенная социальная мобильность рассматривается как сравнение статусов «родителей» и «детей». И хотя объект исследования и обозначен как «молодежь», в исследовании отсутствует его предметное описание (интервалы). Не известно, каковы возрастные рамки, в которых отбирались респонденты, неясно, каков был возраст родителей, по отношению к которым производилось сравнение профессиональных и образовательных статусов. Согласно данным М. Н. Реутовой, общая образовательная мобильность составила 0,53 (Реутова, 2004: 140), восходящая – 0,38, нисходящая – 0,15, нулевая (воспроизводство) – 0,47. Согласно приводимым в статье данным, профессиональная мобильность опережает образовательную: общий показатель профессиональной мобильности равен 0,60.

В статье М. Н. Реутовой анализируются, кроме того, направления образовательной мобильности: наиболее интенсивны перемещения в группы с высшим и средним специальным образованием: «При этом степень самовоспроизводства указанной группы весьма велика, особенно по линии «отец-сын». Так, 48,6% сыновей специалистов со средним специальным образованием получают такой же образовательный статус. Аналогичный пока-

затель в группе специалистов с высшим образованием составляет 63,1%». (Реутова, 2004: 142). Реутова делает вывод о том, что стартовые позиции, измеряемые по уровню образования родителей, определяют возможности восходящей мобильности. Невысокий уровень образования родителей сдерживает восходящую мобильность до определенного уровня: «Сыновья отцов с неполным средним образованием в основном получают среднее образование (42,8%), но их нет среди окончивших вузы» (Реутова, 2004: 142).

Образовательную мобильность как аспект социальной мобильности рассматривает М. А. Буланова на основе данных, полученных по Хабаровскому краю. Проводя анализ показателей образовательной мобильности, М. А. Буланова приходит к выводам, схожим с выводами М.Н. Реутовой: общий показатель интенсивности образовательной мобильности находится в диапазоне 48-52% (соответственно по линиям «отец-сын», «мать-дочь») (Буланова, 2011: 211). Наиболее интенсивные перемещения наблюдаются на уровень высшего образования. При этом сама группа с высшим образованием обладает достаточно высокими показателями воспроизводства (Буланова, 2011: 211).

Г. А. Ястребов (Ястребов, 2016а; Ястребов, 2016b) наряду с общими показателями приводит также результаты логлинейного анализа данных по образовательной мобильности. Общая оценка и логлинейный анализ проводятся на данных представительных опросов (1994-2013) в разрезе трех поколений. Прежде всего, по оценке Г. А. Ястребова, образовательная мобильность демонстрирует тенденцию к стабильности. В постсоветский период шансы на восходящую и нисходящую образовательную мобильность уравнились (Ястребов, 2016а). Делается вывод о том, что вероятность повышения образовательного статуса в сравнении с родительским была выше в советское время, чем в постсоветское.

Таким образом, исследования образовательной мобильности в отечественной социологии представляют собой пестрое исследовательское поле, в котором широко используются как небольшие локальные выборки, так и

масштабные общероссийские опросы. Исследовательский фокус сосредоточен на определении общих показателей мобильности, ее направлений, выявлении групп, характеризующих наиболее высокими показателями воспроизводства (закрытости).

Первое рабочее место в структурных исследованиях. Первое рабочее место, фиксируя начало трудовой деятельности, равнозначно первичному выходу на рынок труда. В исследованиях мобильности первого поколения (Ganzeboom, Treiman, 1991) первое рабочее место рассматривалось как наиболее важный предиктор последующей трудовой карьеры (Lipset and Malm, 1955: 247). До исследования П. Блау и О. Данкана (Blau and Duncan, 1967) считалось, что первая работа обусловлена двумя переменными социального происхождения – уровнем образования и профессиональным статусом отца (Lipset and Malm 1955: 252).

Первое рабочее место стало одной из структурных переменных в модели достигнутого статуса, разработанной П. Блау и О. Данканом (Blau and Duncan, 1967). Модель П. Блау и О. Данкана представляет собой путевой анализ (path-analysis) социально-экономического жизненного цикла индивида, в котором каузальная последовательность начинается с позиции, занимаемой семьей индивида в стратификационной системе, и измеряемой по уровню образования и роду деятельности отца. Далее она концентрируется на двух поведенческих переменных, характеризующих уровень образования индивида и уровень престижа его первой работы, а конечной точкой модели стала престижность работы индивида в 1962 г.

В отечественных структурных исследованиях первое рабочее место обычно не рассматривается как значимая, самостоятельная часть социально-профессиональной траектории. Как показывает анализ литературы, отчасти это связано с пониманием первого рабочего места как случайного, незначущего, «проходного» этапа профессиональной карьеры. Анализ первичного трудоустройства и его влияния на последующую мобильность можно

встретить в немногих публикациях. Например, в исследовании Ю. С. Панфиловой по Ростовской области показано, что характеристики первичного трудоустройства имеют значение для последующей мобильности. В частности, имеет значение, в каком именно сегменте экономики была начата профессиональная деятельность: «66,8% повысивших социально-профессиональный статус по сравнению с родителями начали трудовой путь в первичном секторе, характеризующемся более стабильной занятостью, широкими социальными гарантиями и возможностями карьерного роста» (Панфилова, 2017: 252).

В определенной степени подобная исследовательская ситуация связана с тем, что в отечественной социологии сложилась собственная традиция изучения проблем первичного трудоустройства молодежи. Прежде всего, рассмотрению подлежит проблема консистентности двух институтов – образования и рынка труда; изучается вопрос о соответствии полученной в учебном заведении специальности или квалификации содержанию выполняемой работы. В основе подобного исследовательского интереса лежит представление о наличии такой социальной проблемы, как трудоустройство по специальности. Результаты подобных исследований становятся основой для суждения об эффективности институтов системы образования, которая тем выше, чем ближе к 100% соответствие трудоустройства выпускников профилю образования.

Подобное представление о взаимосвязи института образования и рынка труда сложилось в советское время. Связь производства, трудовой деятельности и учебных заведений была заложена еще в самой концепции трудовой школы, принятой на заре становления советской системы образования, и затем подтверждалась с каждой реформой образовательной системы (Социальная политика в России и Китае, 2016: 180-209). В постсоветском обществоведении концепция связи двух институтов – рынка труда и образования – трансформировалась в концепцию дисбаланса и избыточности российских образовательных ресурсов.

Одним из аспектов подобного изучения взаимосвязи двух институтов стали исследования мобильности молодежи, в которых можно выделить, по крайней мере, три частично пересекающихся направления исследований.

Во-первых, это исследования **социальной мобильности молодежи**. Например, В. М. Дьяконовой (Дьяконова, 2007) было проведено исследование социально-экономической мобильности молодежи, по г. Петрозаводску в 2002 г. Опрос проводился среди 208 городских домохозяйств, было опрошено 666 респондентов, из которых была отобрана молодежь в возрасте 15-30 лет. Объем молодежной подвыборки составил 219 респондентов. Методом факторизации на основе 4 видов показателей, относящихся к социально-демографическому блоку, сфере занятости, трудовой мобильности и безработице была построена типология социально-экономической мобильности. В. М. Дьяконовой удалось обнаружить 6 типов социально-экономической мобильности, различающихся по экономической активности, а также интенсивности трудовой мобильности, под которой понимается смена места работы или специальности.

В исследовании пензенских социологов, проведенном в 2005-2006 гг. среди учащихся учебных заведений разного типа, социальная мобильность рассматривалась как одна из форм социальной активности индивидов (Буккин, Мананникова: 205) и представляла собой совокупность показателей, прежде всего мотивационного характера (планы по трудоустройству, интерес к учебе и др.). На основе полученных данных авторы исследования выделили четыре вида мобильности, которые, по сути, представляли собой интегральный мотивационный индекс: прогрессивную вертикальную мобильность, свойственную тем учащимся, которые стремились к повышению статуса, в том числе и образовательного, мотивирующую на трудоустройство по специальности; транслирующую вертикальную мобильность, при которой студенты стремятся получить образование и трудоустроиться по специальности, но не имеют мотивации в дальнейшем повышении социального статуса;

неустойчивую (затрудненную) социальную мобильность, которая характеризует студентов, не проявляющих интереса ни к учебе, ни к трудоустройству по специальности и не имеющих определенных планов на будущее; регрессивную социальную мобильность, которой свойственно отсутствие интереса к учебе, мотивации к достижению социального статуса и планов на будущее.

Помимо социальной мобильности молодежи, существует направление, изучающее **профессиональную мобильность молодежи**. Под профессиональной мобильностью понимается не столько изменение профессионального статуса в ходе трудовой деятельности, сколько соответствие полученной квалификации содержанию работы. При этом за точку отсчета принимается полученный уровень квалификации. Соответственно, под нисходящей профессиональной мобильностью понимается ситуация, при которой имеющаяся квалификация ниже, чем содержание выполняемой работы либо квалификационные условия занимаемой должности (Реутова, 2008: 191). Восходящая профессиональная мобильность интерпретируется как ситуация, при которой наблюдается повышение квалификации и усложнение выполняемых задач.

Под профессиональной мобильностью может также пониматься изменение структурных характеристик – «уровня оплаты труда, удовлетворенности различными сторонами жизни, связанными с профессиональной сферой» (Довготько, Михеева, 2008: 63). Профессиональная мобильность при этом может рассматриваться предельно широко – как любое изменение характеристик рабочего места (квалификации, должностной позиции): «Профессиональная мобильность молодых людей проявляется в изменении профессии или переквалификации в рамках имеющейся специальности, реализации служебной карьеры (карьерный рост, служебное продвижение), повышении квалификации, получении более высоких разрядов и других» (Реутова, 2008: 188). В рамках такого подхода при определении направления профессиональной мобильности (восходящей или нисходящей) учитывается не

только соответствие полученной квалификации или специальности выполняемой работе, но и удовлетворенность работой. Например, на основе данных всесоюзного опроса, согласно которым 46,6% опрошенных работали не по специальности и в числе причин, повлекших смену рабочего места, указывали неудовлетворенность работой, низкую оплату труда по специальности, М. Н. Реутова делает вывод о нисходящей профессиональной мобильности, свойственной «значительной части молодых людей 1980-х гг.» (Реутова, 2008: 192).

И третье направление изучает **трудо­вую** или **социально-трудо­вую мобильность** молодежи. Причем, данное понятие не имеет устойчивого определения. Часть авторов под трудовой мобильностью понимают «совокупность взаимодействий по поводу расстановки, перестановки и высвобождения рабочей силы, обеспечения соответствия рабочей силы изменяющимся требованиям развития производительных сил» (Потуданская, Новикова, Цыганкова, 2009: 93). В проведенном исследовании на основе выборки в 1226 респондентов, занятых на 5 промышленных предприятиях, частью трудовой мобильности оказывается межпрофессиональная мобильность. Вывод о ее достаточно высоком уровне делается на основе данных о доле респондентов, имевших опыт смены работы, а также о доле респондентов, работающих по специальности и сменивших специальность. Фактором, оказывающим влияние на смену работы, выступает уровень образования: чем он выше, тем меньше доля респондентов, сменивших место работы (Потуданская, Новикова, Цыганкова, 2009: 95). Обсуждаемое исследование позволило выявить не только разную степень интенсивности перемещений, но и различия в их оценках, которые давали молодые работники, получившие дипломы разного уровня. Так, оценка изменений, даваемая выпускниками вузов, была более оптимистичной, чем в группе выпускников средних специальных учебных заведений или учреждений начального профессионального образования.

Под трудовой мобильностью молодежи подчас понимается ее миграция (Попов, 2014: 54). Трудовая мобильность интерпретируется

как подвижность рабочей силы в целом; своего рода текучесть кадров на предприятии, изменение его состава, прием и увольнение, их причины становятся предметом исследования при таком прочтении трудовой мобильности (Кабалина, 1999).

Ряд исследователей занимается изучением социально-трудо­вой мобильности молодежи, определяемой как «процесс изменения молодежью своей социальной и трудовой позиции в структуре общества» (Иванова, 2016: 247). Понятие социально-трудо­вой мобильности используется как комплексная характеристика для интерпретации данных, полученных при опросе студенческой молодежи с целью выяснить ее мотивационные установки на построение карьеры, получение образования и пр. (Логинов, 2015).

Предложенный анализ литературы по проблематике статьи позволяет сделать следующие *выводы*. Образовательная мобильность изучается реже других видов мобильности как в зарубежной, так и в отечественной социологии, в которой исследования образовательной мобильности ведутся либо в рамках более общего сюжета социальной мобильности, либо имеют локальный характер.

В отечественной социологии существует направление исследований мобильности, объектом которых выступает преимущественно молодежь. При этом в фокусе исследовательского внимания оказываются изменения в профессиональной траектории молодого поколения, связь содержания работы с полученным образованием, мотивационные установки. Несмотря на относительное сходство, предмет исследования может обозначаться как профессиональная, трудовая или социально-трудо­вая мобильность. Тем не менее, анализ литературы позволяет заключить, что речь идет об одном и том же комплексе исследовательских проблем, связанных, с одной стороны, с консистентностью двух социальных институтов – образования и рынка труда, с другой – с трудоустройством молодежи и сменой ею места работы. При этом в большинстве случаев речь идет о внутр поколенной профессиональной мобильности. В отличие от

зарубежной социологии, в которой первое место работы выступает как один из параметров, ключевых пунктов в исследованиях мобильности, в отечественной социологии данная точка карьерной траектории не составила самостоятельного предмета изучения.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы выяснить взаимосвязь образовательной мобильности с первым рабочим местом. Как было показано выше, в отечественной социологии активно исследуется тема перехода от получения образования к трудовой деятельности. В таких исследованиях предпринимаются попытки выяснить роль образования в трудоустройстве, согласованность получаемого образования и будущей профессии, значение мотивации и образовательных ценностей и др. В данной статье рассматривается устройство на первое рабочее место не с точки зрения полученного образования, его содержательных характеристик, а с точки зрения образовательного статуса, прежде всего, как структурной характеристики. Иначе говоря, мы предполагаем, что место в профессиональной структуре, определяемое по первому рабочему месту, зависит не просто от полученного образовательного статуса, но и качественной характеристики в сравнении с родительским. Соответственно, изменение образовательного статуса в сравнении с родительским, оборачивается социальным преимуществом или отсутствием такового, что сказывается на результатах трудоустройства. Речь идет не столько об институциональной консистентности, сколько о конвертации двух структур – образовательной и профессиональной – при этом, предполагается, что приобретенное преимущество в одной из них приводит к получению преимуществ в другой.

В связи с этим, мы предполагаем, во-первых, что параметры образовательной мобильности определенным образом сказываются на характеристиках первого рабочего места. А именно группа с восходящей образовательной мобильностью или «нулевой» мобильностью (воспроизводством) занимает более высокую статусную позицию по первому рабочему месту, чем группа с нисходящей образователь-

ной мобильностью. Иначе говоря, более выгодные начальные позиции в профессиональной траектории обусловлены, в том числе, и характером образовательной мобильности. Во-вторых, мы предполагаем наличие значимых когортных различий, как в самом трудоустройстве на первое рабочее место, так и во взаимосвязи образовательной мобильности и характеристик первого рабочего места.

Эмпирическую базу анализа составили данные исследования «Социальные различия в современной России», проведенного на базе опроса российского населения по случайной стратифицированной выборке, объем которой составил 5335 респондентов 1939-1997 г.р.

Массив данных, полученный в исследовании «был поделен на 4 когортные группы: 1939-1960 г.р. (доля в массиве – 24,2%), 1961-1974 г.р. (25,9%), 1975-1984 г.р. (19,1%) и 1985-1997 г.р. (30,8%).

Научные результаты и дискуссия. (Research Results and Discussion). *Средний возраст начала трудовой деятельности и средняя продолжительность обучения.* Согласно данным исследования, средний возраст начала трудовой деятельности, устройства на первое рабочее место составляет 19,5 лет. Причем, наблюдаются когортные различия по возрасту начала трудовой деятельности. Так, наиболее ранним вступлением в трудовую жизнь характеризуется самая старшая когорта (1939-1960 г.р.), начавшая работать в среднем в 19,2 года. Позже всех – в среднем в 19,9 лет – на рынок труда вышла когорта 1974-1985 г.р. Две когорты – 1961-1974 и 1985-1997 г.р. – значимо не различаются по среднему возрасту начала трудовой деятельности (соответственно 19,6 и 19,5 лет). Подобные различия в среднем возрасте выхода на рынок труда связаны, в первую очередь, с изменениями, касающимися института образования, а именно образовательной экспансией, выражающейся в максимальном охвате населения различными уровнями образования и увеличении продолжительности обучения.

Согласно данным исследования, наименьшая средняя продолжительность обучения – 12,8 лет – характерна для самой старшей ко-

горты (1939-1960 г.р.), наибольшая – для когорты 1975-1984 г.р., для которой она составила 14,2 года. Когорта 1961-1974 г.р. обучалась в среднем 13,5 лет, когорта 1985-1997 г.р. – 13,8. Указанные различия в средних статистически значимы (однофакторный дисперсионный анализ, $F = 43,040$ при уровне значимости 0,000). Необходимо отметить, что более короткий период обучения, характерный для когорты 1985-1997 г.р., связан с особенностями выборки, которая включает в себя в том

числе и молодых респондентов, еще не окончивших свое обучение либо окончивших только один из его этапов (полную среднюю школу). Коэффициент корреляции Пирсона для двух показателей – возраста начала устройства на первое рабочее место и продолжительностью обучения – составляет 0,242 (при уровне значимости 0,000).

Первое рабочее место. Вопрос о профессиональной деятельности задавался в открытой форме и кодировался по ISCO-08 (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Социально-профессиональные позиции первого рабочего места по когортам и по массиву в целом (% от числа ответивших)
Social occupational position of first job by cohorts and array as a whole (% of respondents)

Профессиональные группы (ISCO-08)	Поколения				Всего
	1939-1960	1961-1974	1975-1984	1985-1997	
Руководители	2,0	2,3	2,1	1,0	1,9
Профессионалы	13,9	14,9	13,9	10,2	13,3
Специалисты	12,0	12,8	11,6	14,4	12,7
Служащие	9,1	9,8	9,5	8,8	9,3
Рабочие в сфере обслуживания	8,3	13,1	22,3	28,4	17,4
Фермеры и др.	0,2	0,4	0,3	0,2	0,3
Рабочие ручного труда	25,6	22,7	18,6	16,3	21,0
Рабочие индустриального труда	16,8	13,5	10,0	7,6	12,2
Неквалифицированные рабочие	12,1	10,5	11,6	13,2	11,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

На основе данных, представленных в табл. 1, профессиональные позиции первого рабочего места, можно подразделить на три группы: во-первых, это профессиональные позиции, по которым не наблюдается значимых когортных изменений: это «специалисты», «служащие» и «неквалифицированные рабочие». Доли молодежи, начавшей трудовую деятельность с указанных позиций, значимо не различаются по когортам. Во-вторых, профессиональные позиции, по которым наблюдается резкое снижение доли молодежи, выбравшей именно такое начало трудовой деятельности. К ним относятся «профессионалы», а также рабочие – как ручного, так и индустриального труда. Если в когортах 1939-1960 г.р.

и 1961-1974 г.р. доля устроившихся на первое рабочее место рабочими ручного труда составляет 25,7 и 22,7% соответственно, то в более молодых когортах доля таковых – 18,6 и 16,3% (соответственно для когорт 1975-1984 г.р. и 1985-1997 г.р.). В-третьих, профессиональные позиции, по которым наблюдается резкое увеличение доли выбравших подобное рабочее место в качестве первого трудоустройства. Прежде всего, это «рабочие сферы обслуживания». Если в самой старшей когорте 1939-1960 г.р. доля работавших в качестве рабочих в сфере обслуживания насчитывает 8,3%, то в самой младшей (1985-1997 г.р.) таковых 28,4%.

Отмеченные различия связаны со структурными изменениями в экономике и изменением параметров занятости молодежи по ее отраслям. В конце 1980-х гг. в реальном секторе экономики было занято почти $\frac{3}{4}$ работающей молодежи (Реутова, 2008: 190). В результате начавшегося в 1990-е гг. оттока молодежи из сферы материального производства ее доля в данном секторе экономики сократилась до 41,4%, по данным 2002 г. (Реутова, 2008: 190). К 2009 г. этот показатель еще более сократился и составил 32,9%¹. Наряду с этим увеличивалась доля работающей молодежи в сфере нематериального производства (в финансово-банковской сфере, оказании услуг, сфере посреднической деятельности, торговле: в 2002 г. – 20,9% (Реутова, 2008: 190). М.Г. Бурлуцкая также связывает интенсификацию межпоколенной социально-профессиональной мобильности «поколения тридцатилетних» в 1990-е гг. с реструктуризацией эко-

номики, приведшей к увеличению доли занятых в сфере торговли и услуг при одновременном сокращении доли занятых в реальном секторе экономики (Бурлуцкая, 2000: 309). Оценку масштабных изменений в структуре рабочих мест в период с 1991 по 2015 г. дает Н.Е. Тихонова, по оценке которой резко сократилась численность рабочих мест: «с 73,8 млн в 1991 г. до 64,5 млн к февралю 2015 г., при 1,2 млн вакантных рабочих мест» (Тихонова, 2015: 22). При этом в промышленности число рабочих мест уменьшилось более чем в два раза, в строительстве – в 1,6 раза, в сельском хозяйстве – в 1,5 раза. «Основной же прирост рабочих мест пришелся на торговлю и сферу бытового обслуживания, занятость в которых выросла с 5,6 млн в 1991 г. до 12,3 млн в 2012 г.» (Тихонова, 2015: 22).

Способы трудоустройства. В табл. 2 приведены данные о способах трудоустройства на первое рабочее место.

Таблица 2

Распределение ответов представителей разных когорт на вопрос о способе трудоустройства на первое рабочее место (%)

Table 2

Cohort distribution of respondents' answers to the question about the way of employment on the first job (%)

Способы устройства на первое рабочее место	Поколения				Всего
	1939-1960	1961-1974	1975-1984	1985-1997	
С помощью друзей или родственников	29,5	33,0	45,2	42,7	36,9
По направлению вуза, училища	29,7	27,4	10,6	7,3	19,7
Самостоятельно предлагал свои услуги разным организациям	18,2	17,0	16,6	17,3	17,3
Ответил на объявление предприятия	6,0	7,2	7,5	8,3	7,2
Меня нашел сам работодатель	3,7	4,7	4,9	3,9	4,3
Ответил на объявление в газете	2,3	2,5	5,4	5,7	3,8
Нашел через агентство по трудоустройству	2,1	2,8	2,8	3,6	2,8
Через Интернет	0,1	0,3	2,4	7,9	2,5
Создал это рабочее место сам	1,9	1,0	1,4	1,6	1,5
Другое	3,1	2,8	1,9	1,6	2,4
Сейчас не помню	4,2	2,8	3,2	2,0	3,0
Всего	100,8	101,3	101,9	102,0	101,5

¹ Рассчитано автором по: Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ. «Статистика России», 2010. С. 109. URL:

http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/МО-LODEG_RUS_2010.pdf (дата обращения: 27.11.2017 г.).

Во всех четырех когортах основные способы трудоустройства, к которым наиболее часто прибегали респонденты, связаны с получением поддержки – семьи или учебного заведения. Самостоятельный поиск работы является третьим по популярности. Так, в старших когортах (1939-1960 и 1961-1974 г.р.) доля тех, кто при первичном трудоустройстве воспользовался помощью семьи, и доля трудоустроившихся по направлению от учебного заведения примерно равны и составляют около трети. В младших когортах основная роль в получении первого учебного отводится семье и неформальным связям: доля тех, кто трудоустроился

с помощью семьи или родственников превышает 40%. При этом резко снижается роль институтов образования в первичном трудоустройстве.

Вертикальная образовательная мобильность и первое рабочее место. Рассмотрим, каким образом связаны образовательная мобильность и первое рабочее место. В таблице 3 представлено распределение социально-профессиональной позиции первого рабочего места в зависимости от типа мобильности. При этом указаны данные, касающиеся двух «крайних» когорт – самой старшей и самой младшей.

Таблица 3

Социально-профессиональная позиция первого рабочего места в зависимости от типа мобильности (% от числа ответивших)

Table 3

Social occupational position of first job depending on the type of mobility (% of respondents)

Профессиональные группы (ISCO-08)	Поколение 1939-1960			Поколение 1985-1997		
	Мобильность			Мобильность		
	Нисходящая	Воспроизводство	Восходящая	Нисходящая	Воспроизводство	Восходящая
Руководители	1,8	2,1	2,0	0,4	1,1	1,3
Профессионалы	5,3	16,8	14,6	3,4	12,4	12,2
Специалисты	10,6	11,4	12,8	9,0	15,6	17,1
Служащие	9,7	5,7	10,3	8,1	7,4	9,6
Рабочие в сфере обслуживания	8,8	10,4	7,8	32,9	26,4	27,8
Фермеры и др.	0,9	0,4	0,1	0,0	0,0	0,2
Рабочие ручного труда	28,3	20,0	26,6	17,1	17,2	15,4
Рабочие индустриального труда	18,6	16,4	16,0	9,8	7,7	6,5
Неквалифицированные рабочие	15,9	16,8	9,8	19,2	12,4	9,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Представленные в таблице данные позволяют сделать несколько выводов, касающихся как сходства, так и различий, свойственных первичному трудоустройству двух когорт. Образовательная мобильность оказывается важной для первичного трудоустройства не во всех случаях. Можно говорить, по крайней мере, о двух профессиональных позициях, для которых различия в образовательной мобильности оказываются существенными: это две крайние позиции «профессиональной шкалы»

ISCO-08, в основе которых заложены квалификационные характеристики, – профессионалы (самый высокий квалификационный уровень) и неквалифицированные рабочие (самый низкий квалификационный уровень). При этом можно наблюдать схожие тенденции, присущие как самой старшей когорте, так и самой младшей. Как следует из данных, представленных в табл. 3, для двух когорт в равной степени характерна ситуация, при которой трудоустройство по первому рабочему

месту на позицию «профессионала» сопряжено главным образом с восходящей образовательной мобильностью или воспроизводством образовательного статуса. Иначе говоря, первое рабочее место, сопряженное с высокими квалификационными требованиями, связано с сохранением или улучшением образовательного статуса. На противоположном «полюсе» находится позиция «неквалифицированный рабочий», не предполагающая квалификационных требований. Попадание на данную позицию в качестве первого рабочего места сопряжено как с воспроизводством, так и со снижением образовательного статуса. Таким образом, в двух когортах наиболее чувствительными к типу образовательной мобильности оказались те социально-профессиональные позиции, основу которых составляет квалификационный ресурс.

Когортные различия касаются таких профессиональных позиций, как «рабочие ручного труда», «специалисты» и «рабочие в сфере обслуживания». В старшей когорте основная доля первичного трудоустройства приходилась на позицию «рабочий ручного труда». При этом, как следует из табл. 3, тру-

доустройство на эту позицию было чаще связано с образовательной мобильностью (как восходящей, так и нисходящей), чем с воспроизводством. Эта связь «рабочего» трудоустройства с образовательной мобильностью исчезает в младшей когорте.

Для того чтобы выяснить, насколько значим факт образовательной мобильности для структурных характеристик первого рабочего места, в исследовании был выполнен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA, см. табл.). В качестве зависимой переменной выступала переменная, собравшая значения международного социально-экономического индекса (Ganzeboom and Treiman, 2003), являющегося количественной характеристикой позиции социального субъекта в социально-экономической иерархии. Определяющим фактором стала переменная вертикальной образовательной мобильности, принимающая три значения: -1 – восходящая мобильность, 0 – воспроизводство (отсутствие мобильности), 1 – восходящая образовательная мобильность. Мы предполагаем, что в каждой из групп, различающихся типом мобильности, среднее значение ISEI будет также значимо различаться.

Таблица 4

Влияние образовательной мобильности на характеристики первого рабочего места: результаты однофакторного дисперсионного анализа

Table 4

The impact of educational mobility on the characteristics of the workplace: results of ANOVA

Поколение	Образовательная мобильность	Среднее значение ISEI, критерий Дункана		F	Значимость
		1	2		
1939-1960	Восходящая		37,99	4,358	0,013
	Воспроизводство		38,7		
	Нисходящая	32,5			
1961-1974	Восходящая		39,0	6,063	0,002
	Воспроизводство		41,5		
	Нисходящая	35,1			
1975-1984	Восходящая		39,2	8,477	0,000
	Воспроизводство		41,6		
	Нисходящая	33,3			
1985 и моложе	Восходящая		40,2	19,559	0,000
	Воспроизводство		39,1		
	Нисходящая	31,3			

Как следует из полученных данных, изначальная гипотеза подтвердилась частично: значимые различия по среднему значению ISEI, характеризующего позицию социального субъекта в социально-экономической иерархии по первому рабочему месту, наблюдаются в отношении нисходящей образовательной мобильности. Это означает, что нисходящая образовательная мобильность (понижение образовательного статуса в сравнении с родительским) приводит к значимому снижению социально-экономической позиции. При этом, не наблюдается значимых различий по среднему значению ISEI в отношении восходящей образовательной мобильности и воспроизводства образовательного статуса. Среднее значение ISEI в этих группах значимо выше, чем в группе с нисходящей образовательной мобильностью. Важно подчеркнуть, что отмеченная тенденция наблюдается во всех рассматриваемых когортах.

Заключение (Conclusions). Согласно данным исследования, средний возраст выхода на рынок труда увеличивается, что, в первую очередь, связано с постепенным увеличением средней продолжительности обучения. Отложенный выход младших когорт на рынок труда компенсируется увеличением периода обучения. Структурные характеристики первого рабочего места существенно изменились. В старших когортах (1939-1960 г.р. и 1961-1974 г.р.) чаще всего начало трудовой деятельности было сопряжено с такими профессиональными позициями, как рабочий ручного труда или рабочий индустриального труда, которые в совокупности составляли от 42,4 до 36,2%. Совокупная доля этих позиций снизилась в когорте 1975-1984 г.р. до 28,6%, в когорте 1985 и моложе – до 22,9%. Подобные изменения связаны прежде всего с масштабными изменениями в структуре рабочих мест. Таким образом, характеристики начала трудовой деятельности (возраст и структурная позиция первого рабочего места) обусловлены состоянием двух социальных институтов – образования и рынка труда. Образовательная экспансия привела к увеличению продолжительности обучения и, соответственно, увеличению возраста начала трудовой деятельности.

В свою очередь трансформация рынка труда привела к изменению структурных позиций первого рабочего места – сокращению доли занятых в реальном секторе экономики и увеличению доли занятых в сфере нематериального производства.

Значимость института образования прослеживается и в способе трудоустройства на первое рабочее место. В старших когортах доля трудоустроившихся по направлению учебного заведения составила более четверти; в младших когортах, представители которых получали профессиональное образование в ситуации, когда учебные заведения были освобождены от обязательств по трудоустройству выпускников, доля получивших от учебного заведения содействие по устройству на работу сократилась до 7-10%. Согласно данным исследования, тип образовательной мобильности оказывается значимым для структурных характеристик первого рабочего места прежде всего в том случае, если его позиция сопряжена с квалификационными требованиями. Это означает, что первичное трудоустройство на позицию «профессионала» требует воспроизводства или повышения образовательного статуса. Трудоустройство на позицию «неквалифицированный рабочий» сопряжено с воспроизводством или понижением уровня образования. Как показал анализ данных, значимыми последствиями при трудоустройстве на первое рабочее место обладает только нисходящая образовательная мобильность, приводящая к занятию более низкой социально-экономической позиции. В отношении восходящей образовательной мобильности или воспроизводства образовательного статуса подобной тенденции не отмечено. Таким образом, оба предположения, сформулированные в начале статьи, подтвердились: характер образовательной мобильности влияет на результативность первичного трудоустройства; наблюдаются существенные когортные различия в структурных характеристиках первого рабочего места. При этом значимых когортных различий во взаимосвязи образовательной мобильности и первичным трудоустройством не выявлено.

Список литературы

1. Барсегян В. М. Межпоколенная образовательная мобильность молодых общественно-политических деятелей в современном российском обществе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, № 3. С. 163-178.
2. Беляева Л. А. Воспроизводство культурного капитала и проблемы социального неравенства в России // Философские науки. 2011. №10. С. 6-20.
3. Букин В. П., Мананникова Ю.В. Жизненные цели и социальная мобильность молодежи в системе профессионального образования региона // Регионоведение. 2007. № 3. С. 203-213.
4. Буланова М. А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 205-212.
5. Бурлуцкая М. Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. М.: МОНФ, 2000.
6. Дьяконова В. М. Типология социально-экономической мобильности молодежи // Экономика и управление. 2007. № 5. С. 68-73.
7. Довготько Т. В., Михеева Е.М. Профессиональная мобильность молодежи Ямала // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2008. № 3. С. 63-67.
8. Иванова Т. Н. Социально-трудовая мобильность как процесс изменения социальной и трудовой позиции молодежи в структуре общества: многоаспектность и многокомпонентность // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 247-251.
9. Ильдарханова Ч. И. Межпоколенческая образовательная мобильность сельской семьи (на примере муниципального района Республики Татарстан) // Интеграция образования. 2013. № 3. С. 78-84.
10. Кабалина В. И. Трудовая мобильность: организационные, институциональные и социально-структурные факторы // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 20-35.
11. Кутейницына Т. Г. Выпускники учреждений начального профессионального образования: полтора года после выпуска // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 3. С. 397-416.
12. Логинов А. В. Социально-трудовая мобильность молодежи: региональный аспект // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2015. Т. 3, № 1. URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/loginov_av_15_1_17.pdf (дата обращения: 20.11.2017).
13. Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ. «Статистика России», 2010.
14. Панфилова Ю. С. Интергенерационная мобильность в современном российском обществе: критический анализ результатов социологических исследований // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 4 (167). С. 120-126.
15. Панфилова Ю. С. Макросоциальные факторы межпоколенной мобильности населения в ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 250-254.
16. Попов А. В. Трудовая мобильность молодежи как фактор обеспеченности трудовыми ресурсами (на материалах Вологодской области) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3. С. 53-57.
17. Потуданская В. Ф., Новикова Т. В., Цыганкова И. В. Роль профессионального образования в процессе трудовой мобильности молодежи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2009. Т. 9, № 3. С. 93-100.
18. Реутова М.Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи // Социологические исследования. 2004. С. 139-142.
19. Реутова М. Н. Профессиональная мобильность молодежи: двадцать лет спустя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 6. С. 188-199.
20. Скок Н. И., Кондратьева А. Д. Социальная мобильность российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 10-13.
21. Социальная политика в России и Китае: монография / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2016.
22. Тихонова Н. Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16-27.
23. Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М., 2005.

24. Ястребов Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I // Мир России. 2016. Т. 25, №1. С. 7-34.

25. Ястребов Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть II // Мир России. 2016. Т. 25, № 2. С. 6-36.

26. Blau P. M., Duncan O. D. The American Occupational Structure. N.Y., L., Sydney: Jon Wiley&Sons, Inc., 1967.

27. Ganzeboom H. B., Treiman D. J. Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // Annual Review of Sociology. 1991. Vol. 17. Pp. 277-302.

28. Ganzeboom H. B., Treiman D. J. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status // J. H. P. Hoffmeyer-Zlotnik, & C. Wolf (Eds.). Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables. Amsterdam: VU University Press, 2003. Pp. 159-193.

29. Lipset S. M., Malm F. T. First Jobs and Career Patterns // The American Journal of Economics and Sociology. 1955. Vol. 14, №3. Pp. 247-261.

30. Roshchina Y. Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR // Proceedings of the Asian Conference on Education 2012 Conference, Osaka: The International Academic Forum, 2012. Pp. 1406-1426.

References

1. Barsegyan, V. M. (2014), "Intergenerational Educational Mobility of Young Sociopolitical Figures in Modern Russian Society", *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki*, 14 (3), 163-178. (In Russian).

2. Belyaeva, L. A. (2011), "The reproduction of cultural capital and social inequality in Russia", *Filosofskie nauki*, 10, 6-20 (In Russian).

3. Bukin, V. P. (2007), "Life goals and social mobility of young people in the vocational education system of the region", *Regionologiya*, (3), 203-213. (In Russian).

4. Bulanova, M. A. (2011), "Social mobility of the working young people of the region: sociological analysis", *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, (3), 205-212. (In Russian).

5. Burluckaya, M. G. (2000), "Intergenerational mobility in contemporary Russia: new possibilities or new obstacles?", *Problemy, uspekhi i trudnosti*

perekhodnoj ehkonomiki, MONF, Moscow, Russia. (In Russian).

6. Dyakonova, V. M. (2007), "Typology of Social and Economic Mobility of Youth", *Ekonomika i upravlenie*, (5), 68-73. (In Russian).

7. Dovgot'ko, T. V., Miheeva E. M. (2008), "Professional mobility of young people of the Yamal Peninsula", *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. EHkonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Policy], (3), 63-67. (In Russian).

8. Ivanova, T. N. (2016), "Socio-labour Mobility as the Process of Changing the Social and Labor Position of Youth in the Structure of the Company: Multifaceted and Multicomponent", *Karelskij nauchnyj zhurnal*, 5 (4), 247-251. (In Russian).

9. Ildarhanova, Ch. I. (2013), "Intergenerational Educational Mobility of a Rural Family (based on the study of the municipal area of the Republic of Tatarstan)", *Integraciya obrazovaniya*, (3), 78-84. (In Russian).

10. Kabalina, V. I. (1999), "Labor Mobility: Organizational, Institutional and Socio-structural Factors", *Sociologicheskij zhurnal*, (3-4), 20-35. (In Russian).

11. Kutejnicyna, T. G. (2008), "Graduates of Institutions of Primary Professional Education: a Year and a Half after the Release", *Zurnal issledovanij social'noj politiki*, 6 (3), 397-416. (In Russian).

12. Loginov, A. V. (2015), "Social and Labour Mobility of Young People: a Regional Perspective", *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*, 3 (1), available at: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/loginov_av_15_1_17.pdf (Accessed 20 November 2017). [Electronic scientific journal "Science. Society. State." 2015. Vol. 3, No. 1. Mode of access: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/loginov_av_15_1_17.pdf (date accessed: 20.11.2017). (In Russian).

13. *Molodezh' v Rossii. 2010: Stat. sb.* [Young people in Russia. 2010: Stat.], (2010), UNICEF, Rosstat, Moscow, Russia. (In Russian).

14. Panfilova, Yu. S. (2015), "Intergenerational Mobility in Russian Modern Society: Critical Analysis of Results of Sociological Researches", *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, (4), 120-126. (In Russian).

15. Panfilova, Yu. S. (2017), "Macrosocial Factors of Inter-Generational Mobility of the Population

in the Rostov Region”, *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, (1), 250-254. (In Russian).

16. Popov, A. V. (2014), “Labour Mobility of Youth as a Factor of Labor Resources (on Materials of the Vologda Region)”, *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 53-57. (In Russian).

17. Potudanskaya, V. F., Novikova, T. V. and Tsigankova, I. V. (2009), “Role of Vocational Training in the Course of Labour Mobility of Youth”, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki*. 2009, 9 (3), 93-100. (In Russian).

18. Reutova, M. N. (2004), “The Direction and Intensity of Intergenerational Mobility of Youth”, *Sociologicheskie issledovaniya*, 139-142. (In Russian).

19. Reutova, M. N. (2008), “Professional Mobility of Young People: Twenty Years Later”, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, (6), 188-199. (In Russian).

20. Skok, N. I. and Kondratyeva, A. D. (2016), “Social Mobility of Russian Youth”, *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, (4), 10-13. (In Russian).

21. *Social'naya politika v Rossii i Kitae: monografiya* [Social Policy in China and Russia: Monograph], (2016), Golenkov, Z. T. (ed), New Chronograph, Moscow, Russia. (In Russian).

22. Tihonova, N. E. (2015), “Explicit and Implicit Effects of the Economic Crises for the Russians”, *Sociologicheskie Issledovaniya*, (12), 16-27. (In Russian).

23. Chernysh, M. F. (2005), *Social'nye instituty i mobil'nost' v transformiruyushchemsya obshchestve* [Social Institutions and Mobility in a Transforming Society], Moscow, Russia. (In Russian).

24. Yastrebov, G. A. (2016), “Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 1”, *Mir Rossii*, 25 (1), 7-34. (In Russian).

25. Yastrebov, G. A. (2016), “Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 2”, *Mir Rossii*, 25(2), 6-36. (In Russian).

26. Blau, P. M. and Duncan, O. D. (1967), *The American Occupational Structure*, Jon Wiley & Sons, N.Y., L., Sydney.

27. Ganzeboom, H. B. and Treiman, D. J. (1991), “Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond”, *Annual Review of Sociology*, 17, 277-302.

28. Ganzeboom, H. B. and Treiman, D. J. (2003), *Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status*, J. H. P. Hoffmeyer-Zlotnik, & C. Wolf (Eds.), Advances in Cross-National Comparison, A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables, VU University Press, 159-193, Amsterdam, Netherlands.

29. Lipset, S. M. and Malm, F. T. (1955) “First Jobs and Career Patterns”, *The American Journal of Economics and Sociology*, 14 (3), 247-261.

30. Roshchina, Y. (2012), “Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR”, *Proceedings of the Asian Conference on Education 2012 Conference, Osaka: The International Academic Forum*, 1406-1426.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Епихина Юлия Борисовна, кандидат социологических наук, заместитель декана социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Yulia B. Epikhina, Candidate of Sociology, professor State Academic University for the Humanities, Leading Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.